

**ЦЕНТР И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В
РОССИИ / ПОД РЕД. В. ГЕЛЬМАНА И Т. ХОПФА.
СПб: ИЗД-ВО САНКТ-ПЕТЕРЬ. УН-ТА; М.: ЛЕТНИЙ
САД, 2003.**

Феномен региональной идентичности (РИ) сравнительно недавно привлек внимание отечественных исследователей. Нельзя сказать, что в советские и досоветские времена его не существовало вовсе, однако занимались этой темой в основном этнографы, краеведы и литераторы. Общим для всех можно считать тезис о бурном росте регионального самосознания в ответ на распад гражданской общесоветской идентичности и обновление федеративных отношений внутри Российского государства. Рецензируемый сборник едва ли надо воспринимать как подведение итогов; ценность его, прежде всего, — в представлении различных дисциплинарных подходов к заявленной теме, намечающих возможные исследовательские программы с точки зрения политологии, истории, социологии и социальной географии.

Сборник открывается статьей А. Миллера, в которой рассматривается история идей и образов, связанных с определением западных границ русской нации и национальной территории, «воображаемая география», история «концептуализации центра и периферии в России» (с. 29). Статья основана на обобщающих исторических источниках и публицистических текстах. Главными акторами, формирующими идентификационные процессы, выступают элитные группы, или, как их называет автор, «центры силы» (с. 29, 44). Национально-государственная идентичность связывается ими с границами определенной территории. (с. 35). А. Миллер обозначает акторов несколькими способами. Во-первых, через названия социальных групп, статусов, имен исторических лиц: шляхта, казачьи старшины, дворянство, большевики, Пилсудский, Петлюра и т. п. Во-вторых, через названия столиц: «Санкт-Петербург», «Москва», «Варшава», «Киев». В-третьих, через принадлежность национально-политическим доктринам и идеологиям — «концепции большой русской нации» (с. 36), «единства с Россией» (с. 42).

Состояние региональной идентичности определяют три слоя элит: (1) властные элиты, принимающие решения и претворяющие их в жизнь, в том числе с помощью военной силы; (2) идеологи, (вос)производящие идеи национализма, империализма, государственности, демократии и т. п.¹; (3) хозяйственные элиты, прагматически

¹ У идеологов двоякая функция: во-первых, они обосновывают политическую борьбу властных элит; во-вторых, формируют общественное мнение, прежде всего, читающей публики (не народа).

относящиеся к другим «центрам силы». Они вступают в соглашения с последними в ходе торгов за привилегии и/или гарантии сохранения господствующего положения.

Элиты могут быть недовольны как чрезмерным контролем центра, так и его слабостью или нежеланием защищать их интересы от эксплуатируемого населения (с. 30). Население выступает до 1920 г. в качестве объекта мобилизации к сопротивлению (восстанию); в 1920–1980-е годы — в качестве безмолвного наблюдателя торгов между государственными новообразованиями, ведомыми властными элитами, а с 1990-х годов — в качестве объекта манипулирования для властных и идеологических элит (когда идеологии национализма вышли из «подполья»).

Таким образом, РИ является разменной монетой в непрерывном политическом торге, в котором участвуют элиты, представляющие «центры силы» и регионы. И здесь самое главное — под властью какого «центра силы» окажется регион.

Л. Дробижева рассматривает прежде всего гражданский и этнический компоненты РИ. В статье совмещается социально-психологический (массовые социальные представления) и идеологический уровни изучения идентичности, основной предмет исследования — повседневное сознание людей, регулирующее их поведение.

Анализ базируется на данных массовых опросов в трех республиках и на интервью с представителями этнических элит. Дополнение количественных данных качественными практикуется достаточно часто, однако большинство таких попыток следует признать неудачными ввиду стихийности цитирования интервью; из-за этого развернутые ответы (недоступные в массовом опросе) никак не поднимаются выше статуса сингулярностей — иллюстративных примеров, произвольно подобранных автором. В рассматриваемом случае, конечно, произвольность остается, однако его выгодно отличает то, что сама процедура отбора экспертов (представителей элиты) контролируется и в точности соответствует содержательным параметрам поставленной задачи: проинтерпретировать *смысл* идентификационных изменений. В число экспертов (по 34 в каждой республике) вошли те, кто в ходе массовых опросов набрал наибольшие рейтинги в ответах на вопрос: «Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает интересы людей Вашей национальности?» (с. 49). Таким образом, идеологический (верхний) уровень привлекается для развернутых описаний (толкований) и объяснения повседневных представлений и поведения.

Предметом статьи Л. Сагитовой является «конструктивистская деятельность СМИ», точнее, одного из их видов — прессы. Выбор прессы обосновывается высокой активностью подписчиков (в 2000–2001 гг. в три раза превысившей среднероссийские показатели). Основным методом исследования стал «дискурсивный анализ текстов»,

определяемый автором как «интерпретативное прочтение публикаций» и выявление «смысловых конструкций, с помощью которых акторы придавали значимость тем или иным этническим категориям в формировании этнического самосознания в структуре региональной идентичности» (с. 85). Техника выявления значимых смысловых конструкций автором не эксплицируется. Материал при описании группируется по тематическому принципу.

Для анализа отобраны четыре издания по разным основаниям, что можно квалифицировать как «качественную» стратегию отбора, однако в самом анализе дискурсы изданий между собой систематически не сравниваются. РИ понимается как республиканская (то есть гражданская) и этническая.

Акторы идентификационных процессов подразделяются на генераторов и стимуляторов идентичности, а также пассивных потребителей. Среди генераторов выделяется (а) властная элита, «задающая основной вектор социальных преобразований в республике», и (б) интеллектуальная элита, которая генерирует идеологии, как поддерживающие власть, так и оппозиционные ей. Именно эти сегменты элиты играют главную роль в формировании РИ. К стимулирующим элитам отнесены СМИ, отрасли образования и культуры; они распространяют «идеологию, этнические и региональные ценности и символы» (с. 87). Роли, которые акторы играют в процессе формирования РИ, обусловлены их интересами, ресурсами, статусом и внутренней мотивацией (с. 87). Поскольку статус можно считать одним из видов ресурсов, а различия между интересами и мотивами не проводится, то четыре переменные можно свести к двум: ресурсам и интересам.

Отмечая преемственность нынешней властной элиты Татарстана и советской номенклатуры (с. 88), Л. Сагитова подробно рассматривает механику взаимодействия локальных, региональных и союзных идентичностей, на которой основывался советский режим рекрутирования элит. Она доказывает, что региональная номенклатура происходила в значительной части из сельских районов; для выходцев из села карьерный рост за пределами республики был затруднен из-за плохого владения русским языком. В пределах республики отчужденность от «высокой культуры» компенсировалась «комфортностью... родственного окружения, имеющего общее сельское происхождение» (с. 89). Из-за монополии Москвы во всех сферах жизни (с. 88) среди властной элиты Казани этническая идентичность не имела определяющего значения (с. 90); иными словами, монополия Центра препятствовала приоритету этничности. В условиях этого давления при рекрутировании элит преобладали критерии не этничности, а личной лояльности (родственные, земляческие, дружеские связи) (с. 90). Следовательно, акцент с регионально-этнического

смещался на локальный уровень. В конкурентных взаимоотношениях с Центром более легитимным, очевидно, выглядело отстаивание права распоряжаться экономическими ресурсами республики, что определенно обозначилось в период приватизации бывшей государственной собственности (с. 89–90). Таким образом, казанская титульная элита оказалась более умеренной, чем «национально-радикальная оппозиция», сложившаяся, в частности, в молодом индустриальном центре Набережные Челны (с. 111). Обе элиты рекрутировались из сельских районов, но режим вторичной социализации у них различался, что приводило к радикализации локальной хозяйственной элиты. Как для административной власти, так и для хозяйственной элиты (складывающейся буржуазии?) этнический дискурс является лишь инструментом достижения *иных* целей.

В статье Н. Петрова идентичности различаются по двум основаниям: видам (политическая, этническая, социально-профессиональная и др.) и уровню (общенациональная, макрорегиональная, региональная, субрегиональная, локальная). Территориальная идентичность трактуется преимущественно на уровне субъектов федерации. Сильная административная привязка к РИ может свидетельствовать о (а) естественности территориально-государственного устройства России, адекватно отражающего зоны влияния крупных центров, или (б) вторичности РИ по отношению к довольно устойчивому административному делению (с. 126). Эту гипотезу интересно было бы проверить исследованием «низовой» РИ на территориях, административное подчинение которых менялось. Трудность здесь заключается в том, что учитывать нужно не только принадлежность к субъекту федерации, но и изменение в уровне административного подчинения.

Автор постулирует три тезиса. Во-первых, заявляется о комплексности и сохранении видов и уровней идентичности (с. 125–126). Во-вторых, утверждается, что схема уровней территориальной идентичности имеет вид песочных часов: в России идентичность сильнее выражена на верхнем и нижнем уровнях (национальном и локальном) и слабее — на среднем (региональном) уровне (с. 126–127). В-третьих, постулируется многослойность структуры РИ (виды и уровни); каждая составляющая идентичности описывается собственной территориальной пирамидой; «интегральная пирамида территориальной идентичности является в значительной степени результатом наложения, но не суммой отдельных составляющих территориальных идентичностей» (с. 127). Получается, что разные составляющие могут как усиливать, так и ослаблять друг друга. Следовательно, первый тезис противоречит третьему.

Взрывной рост РИ есть реакция на утрату советской идентичности (с. 126). Автор подчеркивает инициативу региональных властей в

выстраивании и продвижении региональных идентичностей, их стремление использовать «выигрышные моменты регионального своеобразия, отличия от соседей», а если таковых нет, то создать «региональные мифы», культивировать «региональные идентичности» (с. 128). В статье описано множество проявлений региональной идентичности: переименования городов; использование наряду с официальными административными наименованиями природно-географических, «полуофициальных» (с. 134) названий регионов, газет, фирменных поездов (с. 132–136).

Наличие архитектурно-градостроительных символов регионов на банкнотах РФ автор, по-видимому, считает признанием РИ Центром (с. 136–139). Далее перечисляются юбилеи (с. 139–142), спортивные команды, названия которых отражают региональные особенности (с. 142–144), «региональные» песни и олицетворяющие регионы персонажи (Иван Сусанин, Илья Муромец и т. п.) (с. 144–146); упоминается также официальная региональная символика.

Особенно подробно Н. Петров рассмотрел коллекцию (тысяча триста) местных водочных брендов (с. 151–159). Выбор объекта справедливо аргументирован диверсифицированностью региональных водочных рынков, на которых производители — в том числе с помощью «родных» названий — борются за потребителя. Результаты анализа оформлены в виде карты РФ. Отметим, что автор явно заблуждается, когда утверждает, что «водочная коллекция» позволяет судить о развитости «низовой», «народной» идентичности (с. 151). Говорить о собственно низкой РИ можно было бы на основании данных об объемах продаж продукции с региональными и иными брендами при условии полного равенства в цене и, возможно, в качестве. Анализ водочных этикеток Н. Петров завершает следующим выводом: «...история в региональном самосознании материализована скорее в виде лиц и событий, а не в виде мест и объектов. Это значит, что история воспринимается абстрактно, из учебников, и никак не привязана к жизни человека, к пространству, в котором он обитает. ...Выходит, что российское пространство почти не одухотворено историей, оно пустое — главным образом вместилище предметов и расстояние, которое приходится преодолевать» (с. 159). То есть сначала водочные артефакты квалифицируются как низовая, народная РИ, а потом делается вывод о нищете региональной (провинциальной) культуры. Если даже этот вывод верен, мы имеем дело с примером получения верного вывода из неверных посылок (неточного определения, что именно репрезентируют собранные данные).

Завершает статью раздел, посвященный экспертной оценке выраженности РИ (с. 159–169). Автор приводит параметры оценок — более десятка, указывает размерность шкалы (3 и 5 баллов), описывает структуру («элитная» и «народная») и представляет данные в

таблице для всех субъектов РФ. Однако процедура отбора экспертов и алгоритм получения итоговых оценок (более чем по десятку параметров) остались неосвещенными, что лишает классификацию какой-либо основательности.

В. Гельман и Е. Попова описывают РИ исключительно как инструмент политической мобилизации и коллективных действий. Такой аспект рассмотрения назван авторами «политикой РИ» (с. 187). Они видят в РИ разновидность политической идентичности. Успешность и длительность «проекта» РИ зависит от выбранной стратегии. В длительной перспективе при наличии организационных механизмов воспроизводства РИ может рутинизироваться (с. 189). Действия региональных элит в 1990-е годы выглядят весьма рациональными и укладываются в метафору торга между регионами и Центром. Акторы, играя на внутреннем и внешнем рынках символической (политической) продукции, стремятся к максимизации ресурсов, определяемых как «атрибут, обстоятельство или благо, обладание которым увеличивает влияние его обладателя на других индивидов или группы» (с. 192).

Исследуя политическую риторику, авторы, по-видимому, намеренно не делают шагов к признанию ее самореферентности и задают такую теоретическую рамку анализа, которая позволяет связывать дискурс с «затекстовой реальностью». Они приводят внушительный список ограничивающих конструктивистское творчество факторов: спрос и предложение на рынке символической продукции (РИ), характеристики регионов: этнический состав, экономика, география, размер и уровень урбанизации, характеристики региональных элит и массовое политическое поведение (то есть детерминанты и компоненты региональной политической культуры) (с. 194–196).

Первая эмпирическая часть статьи представляет собой развернутое описание стратегий конструирования РИ властными элитами Новгородской, Саратовской и Свердловской областей. Описание сделано на основе вторичного анализа источников (наличие которых повлияло на выбор регионов) с подробным рассмотрением факторов региональной политической культуры.

Вторая, более объемная, часть посвящена виртуозно проработанному исследованию стратегий РИ, использованных в губернаторских выборах трех циклов: начала и середины 1990-х и начала 2000-х годов, которое открыло возможность для отслеживания эволюции риторики РИ. Объектом анализа стали тексты предвыборных программ победителей и их основных конкурентов, которые обрабатывались посредством контент-анализа. Единицы анализа сгруппированы в содержательные категории (компоненты) РИ: экономическая, географическая и культурная характеристики региона, внеэкономические и

исторические основания РИ, ценности землячества. Результаты анализа представлены в корреляционных матрицах с учетом электоральных циклов, статуса регионов (республика, край, область) и статуса кандидатов (инкумбент, оппонент).

К сожалению, как указывают авторы, задача сформировать сплошную выборку документов для трех электоральных циклов оказалась непосильной. И хотя едва ли можно всерьез рассматривать приведенные количественные данные, читатель получает достаточно полное представление о методических процедурах проекта, чтобы воспроизвести его логику в собственных исследованиях (не обязательно касающихся идентичности).

В целом, книга отвечает не на все поставленные во введении вопросы. Неясным остается, в частности, вопрос об укорененности РИ в российской (политической) культуре, а также то, является ли взрывной рост РИ лишь краткосрочной реакцией на распад советской гражданской идентичности (с. 8). Тем не менее сборник статей, по нашему мнению, вызовет интерес у специалистов, занимающихся проблемами социальной идентичности.

О.А. Оберемко,
кандидат философских наук